

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-151-160](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-151-160)

ЧЕМ МЯГЧЕ, ТЕМ СИЛЬНЕЕ: ГИБРИДИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Александр Евгеньевич Коньков

МГУ имени М.В.Ломоносова, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, г. Москва, Россия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 09 сентября 2016 г. <i>Принята к печати:</i> 29 сентября 2016 г.	Аннотация: Статья посвящена рассмотрению феномена мягкой силы как новой формы власти в современной политической системе. Растущая значимость соответствующих механизмов регулирования общественных процессов, с одной стороны, ведёт к обострению конкуренции между странами за возможность продвигать свою повестку, а с другой – подрывает монополию государства на внутреннюю коммуникацию, формируя новые риски суверенитета. Негосударственные игроки, обладая большей гибкостью и восприимчивостью к разнотипным потребностям гражданского общества, демонстрируют способность формировать альтернативу современному государственному и мировому порядку. Одним из результатов является стремление государства «мимикрировать» под институты гражданского общества для своевременного реагирования на возникающие угрозы.
Об авторе: к.полит.н., доцент Кафедры политического анализа, МГУ имени М.В.Ломоносова; советник исполнительного директора, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. e-mail: KonkovAE@spa.msu.ru	
Ключевые слова: мягкая сила; мягкая власть; власть; государство; суверенитет; международные отношения; негосударственные игроки; гражданское общество; политика; политическая коммуникация.	

Самые мягкие из жёстких

В июне британская консалтинговая группа Portland презентовала глобальный рейтинг мягкой силы Soft Power 30¹. Это второй разработанный ею совместно с социальной сетью Facebook доклад, посвящённый анализу столь активно обсуждаемого сегодня явления мировой политики и выявлению 30 наиболее преуспевающих в его имплементации стран. Первый рейтинг был выпущен годом ранее и стал амбициозной заявкой на технологизацию концепта мягкой силы, введённого Джозефом Наем и прочно проникшего за последние четверть века в научный и экспертный дискурс.

Несмотря на сохраняющуюся неоднозначность и непрозрачность методологии

(по сравнению с 2015 годом описание процедуры составления было расширено, но поле для вопросов остаётся), а также прослеживающуюся коммерческую составляющую проекта, результаты рейтинга представляют безусловный интерес и лишний раз заставляют задумываться о природе феномена мягкой силы и его динамике. Попадание впервые России в рейтинг-2016 привлекло особое внимание отечественного экспертного сообщества и информационного пространства в целом. Впрочем, сопроводительные комментарии составителей связывают 27-е место Российской Федерации не столько с прогрессом, сделанным за прошедший год, сколько с заделами 1990-х – начала 2000-х гг.², что опять обращает к методологии: почему же тогда годом ранее

¹ The Soft Power 30. A global Rating of Soft Power. 2016. Mode of access: http://softpower30.portland-communications.com/wp-content/themes/softpower/pdfs/the_soft_power_30.pdf

² Index Results. Mode of access: <http://softpower30.portland-communications.com/ranking/#collapsenine27>

влияние этих заделов не позволило стране попасть в рейтинг?

Конкретные показатели, на самом деле, вопрос не первой важности – их преходящий характер никто особенно и не скрывает. Большую значимость представляет сама проблематика, потребность общества в рейтинговании данного феномена.

И рассматриваемое, и другие международные исследования, посвящённые вопросам мягкой силы, активно оперируют понятием «power». Его атрибутируют различными прилагательными, анализируют с точки зрения признаков, функций, политического эффекта, классифицируют по различным основаниям. В английском языке это понятие обладает разными значениями, и с точки зрения разных политических и неполитических коннотаций может переводиться одновременно как «власть», «мощь», «сила».

Переводя «soft power» исключительно как «мягкая сила» и не отдавая в русскоязычном дискурсе должного внимания «властной» составляющей, мы в определённой мере редуцируем само явление сугубо к мирополитическим отношениям. Такое неосознанное и, по большому счёту, искусственное возведение методологического барьера внутри единого предметного поля политики – как внешней, так и внутренней – не может не нести некоторого риска упустить объективную динамику универсальных властеотношений внутри современного государства. А ведь власть – это ключевой столп государства, основа суверенитета. От понимания того, как меняется власть под влиянием актуальных вызовов, насколько податлива её плотность (жёсткая, мягкая, колеблющаяся...), что позволяет ей «умнеть», зависит и способность управлять устойчивостью государства, определять его роль в глобальном развитии в различной временной перспективе.

В современных условиях власть как система асимметричных отношений, опирающихся на государственные институты, ощущает дефицит безусловной результативности, а потому находится в постоянном поиске новых возможностей проявления своей инклюзивности. Наиболее уязвимыми перед

актуальными вызовами оказываются административные ресурсы власти, что заставляет государство искать дополнительные механизмы укрепления своего доминирующего положения в политической системе. Всё это позволяет явственнее выделять те инструменты, которые в широком смысле и рассматривают как мягкую или даже умную власть (силу).

Мягкая сила помогает суверенному субъекту находить более эффективные способы обеспечения конкурентоспособности в современном мире – как перед лицом других государств, так и на фоне иных акторов мировой политики. Вместе с тем, общий тренд глобализации ориентирует на продолжающуюся всё большую «эмансипацию» гражданского общества – в новых сферах и на новых уровнях. Будучи постоянным антиподом государства в рамках современного демократического дискурса, гражданское общество воспринимает любую силу в отношении себя (ассоциируемую, конечно же, с её жёсткой модификацией) как нарушение своей самостоятельности и ищет формы её преодоления. В этом смысле, любые технологии современного государственно-общественного диалога, опирающиеся на «силовые» основания, перестают носить долгосрочный характер – они априори конечны, вопрос лишь в относительности их сроков.

В тех обществах, где власть остаётся неизменно односторонней коммуникацией государства, т.е. между государством и обществом воспроизводятся субъект-объектные отношения, никакие новые формы (заменители силы) не востребованы и не возникают. Если же общество становится самостоятельным актором (субъектом) и способно отвечать государству, вести с ним диалог, власть последнего трансформируется и демонстрирует умение «смягчаться» и «умнеть», балансируя двусторонний характер взаимодействия. Иными словами, политический смысл «нежёстких» форм власти – это её гибкость и способность приспосабливаться к изменчивости объекта для сохранения и укрепления своей результативности. Мягкая сила – это реализация власти латентно, когда без обязательств перед субъектом объект выполняет его волю.

Хорошо забытое старое

Хорошо известно, что само понятие мягкой власти или силы активно используется в политологическом дискурсе вслед за Джозефом Наем. В 1990-м году он опубликовал свою знаменитую работу «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи» (*Bound to Lead: the Changing Nature of American Power*)³, где концептуализировал подход, активно разрабатывавшийся в предшествующие десятилетия американскими ведомствами в области внешней политики и безопасности, суть которого сводилась к разделению власти на традиционную «жесткую» – основанную на силе и принуждении – и специфическую «мягкую» – реализуемую посредством убеждения и вовлечения объекта.

Предметная обособленность мегаполитическим (международным) уровнем применения концепции «мягкой силы» обусловила её безусловную теоретическую и идеологическую новизну, взрывной рост соответствующих исследований и экспертно-аналитических рекомендаций, выносимых на рассмотрение лиц, принимающих государственные решения, по всему миру. Вместе с тем, менее инструментальный и более универсальный взгляд на дихотомию «мягких» и «жестких» властеотношений позволяет видеть их корни как в китайской философии – например, в стремлении Лао-Цзы найти гармонию между «мягкой» жизнью и «жесткой» смертью и возводимом к его идеям постулате «Вода камень точит»⁴, – так и, кстати, в русской общественно-политической мысли. Историк и философ первой половины XIX века Сергей Глинка указывал на существование двух родов войны: «одна явная, производимая вооруженною рукою; другая *сокровенная*, производимая пронырством... Первая нападает, так сказать, на тело Государственное; другая на тело и душу его». Эта

вторая представляет, на его взгляд, наибольшую опасность: «Временныя потрясения Царств и болезни телесныя, не столько вредят, сколько разврат, который вкрадывается исподволь, заражает души, умы и повергает народ во всеобщее разслабление»⁵. Сокровенная война и пронырство – суть тех же явлений, которые в наши дни описываются более полифоничными эвфемизмами постмодернистской лексики.

Мирополитический редукционизм мягкой силы, сведение её исключительно к отношениям между международными акторами возводит искусственный методологический барьер внутри единого предметного поля, затеняя объективную диалектику универсальных властеотношений внутри современного государства (сохраняющего статус ключевого актора и в сфере международных отношений) и обедняя общеполитологические исследовательские возможности гуманитарного знания. Понимание динамичной природы современной государственной власти – важнейший вызов для политической науки не только с точки зрения наблюдателя за соответствующими процессами, но и, как лишний раз демонстрирует опыт того же Джозефа Наея, активного их участника.

Теоретические истоки методологии мягкой силы активно прослеживаются в различных неомарксистских установках – в той их части, которая обосновывает примат идеологии в общественных процессах. В первую очередь, речь идёт о развитии гегемонии в видении Антонио Грамши, которое предполагало выделение трёх последовательных фаз: экономико-корпоративной, общественной (гегемония в гражданском обществе) и государственной. Каждой этой фазе «соответствуют определенные формы интеллектуальной деятельности, которые нельзя произвольно сочинять или предвосхищать»⁶. Современное глобальное

³ Nye, Joseph S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power* / J.S. Nye. Basic Books: New York. 1990. 336 p.

⁴ Дао Дэ цзин // «Древнекитайская философия». – М., «Мысль», 1972 – с.114-138. [Dao De tszin // «Drevnekitaiskaia filosofia» (Dào Dé Jīng / In “Philosophy of Ancient China). Moscow: “Mysl”, 1972. Pp. 114-138.]

⁵ Цит. по: Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСЭПИ. – 2015. – № 2. – С. 70. [Tetradi po konservatizmu. Al'manakh Fonda ISEPI, 2015, No. 2, p.70.]

⁶ Грамши А. Тюремные тетради в трёх частях /А Грамши. – М.: Политиздат, 1991 – С. 94. [Gramshi, A. Tiuremnye tetradī v trekh chastiakh (the Prison Notebooks). Moscow: Politizdat, 1991, p. 94.]

влияние также формируется на основе взаимодействия триады акторов: крупного бизнеса, который берёт на себя роль инициатора индикации или трансформации интересов, некоммерческих организаций, выполняющих трудоёмкую задачу по приведению в соответствие общественных настроений и формированию объективной лояльности, и государства, которое через свои институциональные возможности легализует субъективно заданную реальность.

Та способность широко представленных в сегодняшнем мире транснациональных корпораций задавать стандарты потребления, которая не только создала целый набор новых индустрий (реклама, PR, лоббизм и т.д.), но и последовательно канализирует духовные проявления человеческой природы (лояльность бренду, социальное предпринимательство, корпоративная благотворительность и др.), на текущий момент является наиболее результативным ресурсом власти. Стратегическая деятельность корпораций находится за рамками просто моды или сугубо коммерческой конкуренции – она связана с контролем, наращиванием влияния, доминированием – на рынках, в странах, в сегментах общества. Однако, как вытекает из размышлений А. Грамши, «ни процессы, протекающие в экономике, ни экономические кризисы непосредственно не порождают исторических событий. Они лишь создают (если создают) благоприятные условия для политической деятельности, для распределения определённых (политических) методов мышления, постановки и разрешения общественных задач»⁷. Иными словами, крупный бизнес, полагая себя субъектом, самостоятельно формирующим свою стратегию поведения, на самом деле, с точки зрения своей исторической роли, выступает лишь как средство, агент изменений, обусловленных приоритетами

субъектов более высокого уровня. Бизнес-интересы представляют собой предпосылки нового качества властеотношений, выражающие естественный интерес политических акторов.

Апробация бизнес-интересов с точки зрения возможностей их социального масштабирования – предмет самореализации институтов гражданского общества, разного рода некоммерческих организаций в самом широком смысле этого понятия. Перманентно артикулируемые общественные инициативы формируют относительно хаотическое пространство коммуникации всех со всеми, подспудно создавая своего рода «инфраструктуру» зондирования социума и трансляции целесообразных стимулов⁸. Разветвлённая сеть институтов, имеющих grassroots-природу (т.е. не являющихся формально официальными), наделяет гражданское общество как объект, чьи свойства определяются во многом обстоятельствами статичного наблюдения за ним, субъективными способностями по-разному реагировать на создаваемые в том числе и бизнес-интересами стимулы. Гражданские структуры быстрее всего могут эту разность реакции обнаружить, интерпретировать и научиться использовать.

Государство, закрепляя результаты активности бизнеса и гражданских структур по аккумуляции энергии общества в новых нормах и политических симулякрах, выступает не столько в качестве злого гения или глобального гротескмейстера, управляющего фигурами на мировой шахматной доске, сколько как функция от более сложных процессов, происходящих в современном социуме. В явлениях глобализации государства играют свою специфическую роль, которая всё в меньшей степени определяется ими самими и в большей – системными факторами актуального мирового развития. К таковым факторам могут быть отнесены и структура взаимосвязей и взаимозависи-

⁷ Понятие политического в теории гегемонии. Антонио Грамши // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. – М.: Идея-Пресс, 2009. – С. 11. [Poniatie politicheskogo v teorii gegemonii. Antonio Gramshi (The Notion of the Political in Hegemony Theory) // Politicheskoe kak problema. Ocherki politicheskoi filosofii XX veka. Moscow: Ideia-Press, 2009. P. 11.]

⁸ Perkins, James. Confessions of an Economic Hit Man. San Francisco, Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2005; Perkins, James. The Secret History of the American Empire: Economic Hit Men, Jackals, and the Truth about Global Corruption. – New York: Penguin, 2007.

мостей государств между собой и с другими акторами, и ключевые принципы и ценности будь то демократии, рыночной экономики или социальной ответственности, и особенности сохраняющихся девиантных моделей человеческой экзистенции (сила национальных или религиозных традиций, неконформистские идеологии, асоциальные проявления и др.). Таким образом, ступая на путь поиска новых механизмов власти, государство лишь следует в русле социального прогресса, который последовательно множит разнообразные риски для любых институтов, заинтересованных в стабильности и, как следствие, замедлении прогресса.

На лицо ужасные, добрые внутри

Современное государство, обеспечивая конкурентоспособность во внешней среде, не гарантирует себя от новых вызовов, имеющих внутреннюю природу. В условиях глобального общества сама по себе дихотомия внутреннее/внешнее, по большому счёту, носит весьма условный характер. Внешняя политика часто рассматривается как продолжение внутренней: чем более консолидировано и успешно государство, чем более оно отвечает запросам и потребностям своих граждан, тем более оно, с одной стороны, активно на международной арене, а с другой – испытывается на прочность извне в силу желания внешних индивидов и сообществ разделить достигнутое благополучие. Кроме того, глядя на многие актуальные проблемы, с которыми современные государства сталкиваются во внутренних делах, очень трудно выявить среди них те, которые не определяются какими-либо внешними факторами. Это относится и к миграции, и к религиозному и идеологическому экстремизму, к разного рода эпидемиям и техногенным рискам. В последнее время сюда приходится добавлять и угрозы стабильности политических режимов, которые могут сопровождаться очевидными внешними катализаторами.

Классификация плотности власти в этой связи может иметь не только внешнюю, но и внутреннюю категоризацию. Если с интерпретацией жёсткой силы всегда меньше

всего сложностей в силу её линейного и открытого характера – внутри государства это прямое администрирование, основанное на иерархии и чётком соблюдении установленного порядка с возможностью наказания за нарушения (легитимное насилие является одним из классических признаков государства и его безусловной монополией), то смягчение власти в данном случае может трактоваться по-разному. Мягкость государства по отношению к народу принято рассматривать как слабость – и не только с макиавеллиевских позиций. Суверенитет – это способность государства самостоятельно решать свои внутренние дела. Если государство не может обеспечить выполнение принимаемых решений – не важно, в силу ли объективных препятствий или субъективных сомнений – возникает почва для развития кризиса суверенитета как важнейшего свойства государственной власти.

В условиях демократии, где источником власти является народ, т.е. множество людей с разными потребностями и личностными характеристиками, кризис суверенитета – вполне рядовое явление. Государства всё чаще сталкиваются с ситуациями раскола общества по тем или иным вопросам и нежеланием политиков брать ответственность за соответствующие решения. Однако гибкость и развитость современных демократических процедур позволяет государству как системе укрепляться в моменты поиска путей преодоления таких кризисов: балансируя между противоборствующими интересами и выверяя компромиссные формулировки, государственные институты обучаются и нарабатывают новые навыки обеспечения собственной устойчивости. В условиях плюрализма и нарастающей самодостаточности гражданского общества его диалог с государством приобретает характер всё более сложной и нелинейной коммуникации, в которой как раз то, что уже стало принято описывать в категориях мягкой силы, оказывается весьма контекстуально.

Мягкая сила современного государства во внутренней коммуникации – это, по сути, политический маркетинг, способность государства вести торг с гражданским обществом, апеллируя к тем своим компетенциям

(ресурсам), которых нет у общества. При всём том, очевидно, что в реальной политике нет разделения на мягкую и жёсткую – используется всё, что эффективно здесь и сейчас. В этом проявляется как раз то, что получило название «умная сила».

Если отталкиваться от базовой конструкции мягкой силы – создать ситуацию, при которой окружающие будут стремиться к результатам, которые нужны тебе, – то современное государство давно освоило такого рода технологии в своих отношениях с обществом. Когда граждане перестали быть подданными и поставили государство в зависимость от их воли, государство отнюдь не утратило своей субъектности – оно научилось уверенно участвовать в процессе коммуникации с сувереном, более того – быть при этом модератором и через согласованные процедуры гарантировать свою самостоятельность в большинстве принимаемых решений.

Вся полнота власти в современной демократии принадлежит народу, однако каналы осуществления этой власти заданы государством – через конституцию, законы, выборы, референдумы, партии, политические права и свободы и др. Следование этим формам участия людей в политике укрепляет государствоцентричность современных политических систем; все прочие, «несистемные» формы, как правило, активно маргинализируются и вытесняются за пределы значимости. Как следствие, политическая самореализация граждан, их амбиции и проявления воли задаются не столько самими субъектами, сколько государством – через те каналы, которые выгодны ему. Иными словами, актуальное и действенное политическое участие современного индивида способствует достижению результатов, к которым стремится само государство. В этом его мягкая власть.

«Иду на вы» в глобальном супермаркете

Несмотря на растущий спектр состояний «плотности» власти – жёсткая, мягкая, умная, – каждое из них всё равно атрибутирует силу, т.е. сохраняется принудительный, подчиняющий характер отношений. Диа-

логичность влияния является свойством исключительно методологическим, но не субстантивным: в процессы принятия решений вовлекается множество участников, однако главным бенефициаром остаётся единственный субъект – государство.

Власть постепенно маркетизируется наряду с другими традиционными общественными институтами – такими как образование, искусство, религия, семья. Везде начинают действовать рыночные законы: потребители предъявляют спрос, который удовлетворяется через предложение от имеющихся институтов. Если потребителя интересует какое-либо разнообразие, всегда найдутся желающие приспособить свой «продукт» под его взыскательный запрос.

В условиях свободы перемещения, снятия коммуникационных и относительной лёгкости преодоления административных барьеров власть также превращается в продукт, предлагаемый в глобальном супермаркете в форме гражданства того или иного государства. У каждого такого «продукта» есть свои «рыночные» характеристики в виде прав и обязанностей: где-то более благоприятный инвестиционный климат, где-то – природный; где-то большое внимание уделяется защите традиционных ценностей, где-то – абсолютная релятивность морали. Государство с его вечной опорой на аппарат подавления не может не испытывать кризис в результате подобных тенденций. Мягкая сила – существенная поддержка для пока только осваивающего навыки борьбы за существование государства. Вместе с тем, в условиях несопоставимого пока числа потребителей (индивидов) и поставщиков (центров силы) у последних пока остаются возможности сохранения если не монопольного, то, по крайней мере, олигопольного положения на глобальном рынке. Пока государства не утратили способности договариваться, они в состоянии сдерживать навязывание им чужой воли и развивать собственные механизмы влияния, в том числе и разной степени «мягкости».

Рынку ничего невозможно навязать – такова максима отношений в современной экономике и обществе в целом. Результат определяется балансом между спросом и

предложением. Политика давно подчиняется рыночным законам на уровне демократических процедур – в первую очередь, в рамках выборного процесса. Распространение рыночных принципов на мегаполитический уровень, где отношения традиционно выстраиваются между суверенными игроками, – тенденция относительно новая. Символический «старт» можно обнаружить в Арабской весне, начавшейся в 2011 году, когда политическая нестабильность перестала вначале быть внутренним делом стран, в которых она имела место, а позднее и собственно арабского региона – Северной Африки и Ближнего Востока, постепенно превращаясь в ключевой фактор динамики современного миропорядка и в более глобальном контексте. «Производители» политического продукта одного суверенного образования через прямую коммуникацию с гражданами другого суверенного образования формируют «спрос», который приводит к конфликту населения со своим государством, становящимся лишним в этой «потребительской» цепочке.

Кстати, подобный подход – говорить с чужими гражданами напрямую, минуя их лидеров, уже открыто предлагался – только в несколько иных обстоятельствах. Свою программную книгу «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» в середине 1980-х гг. Михаил Горбачёв начинает такими словами: «Я написал эту книгу с желанием обратиться к народам напрямую. К народам СССР, США, любой страны. С лидерами и другими деятелями многих государств, с представителями их общественности я встречался. Цель же этой книги – без посредников поделиться мыслями с гражданами всего мира по вопросам, касающимся всех без исключения»⁹. Сегодня тактика общения с другими обществами

через «голову» руководителей – не просто полемический пафос, а жизненная необходимость всякого государства, заботящегося о своём будущем. Только пока одни продолжают об этом предупреждать (по традиции «Иду на вы»), другие давно действуют без предупреждения.

Производство и средства доставки

Оставаясь всё же силой, какой бы мягкой она ни была, новая технология влияния будет стремиться в своём развитии к выявлению более диверсифицированных и децентрализованных способов реализации интересов субъекта при минимальном участии самого субъекта. Будущие формы власти – это последовательное «размягчение» силового компонента и добровольность действий подвластных. Каким образом, это будет реализовано, на сегодняшний день достоверно описать сложно. Однако уже сейчас можно видеть, что небесполезным свойством современной мягкой власти является её способность удивлять: через новизну, непохожесть, непредсказуемость привлекается внимание потребителя, что является первым шагом на пути формирования его лояльности. Всё более эффективной становится та мягкая сила, которая умеет удивлять целевую аудиторию.

Чем способна удивить современная мягкая сила? Тем же, чем и в любые другие времена, – умением оперативно среагировать на имеющийся в обществе запрос. Несмотря на отсутствие в прошлом тех сложностей, перед которыми политические системы сталкиваются сегодня, конкуренция за умы в той или иной степени велась всегда. Роль пропаганды, идеологии, управления информационными потоками была высока при любых режимах и правителях. Могли меняться названия, установки, приоритеты, но политика как коммуникация если не организовывалась, то активно контролировалась посредством значимых государственных институтов.

Весьма иллюстративным примером удивляющей мягкой силы может служить хорошо известная технология «Окно Овертона», впервые сформулированная амери-

⁹ Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М.С.Горбачёв. – М.: Издательство политической литературы, 1988 – 272 с. [Gorbachev, M.S. Perestroika i novoe myshlenie dlia nashei strany i dlia vsego mira (Perestroika and the New Thinking for Our Country and the World) / M.S.Gorbachev. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1988. 272 p.]

канским юристом Джозефом Овертоном. Она предполагает изменение общественного сознания через управление степенью приемлемости тех или иных суждений в политическом дискурсе (постепенное открытие «окна Овертона»). Очевидно, что в прежние времена многое было невозможно, в том числе и в силу табуированности самой постановки вопроса, например, о тех или иных формах равноправия.

Развитие средств массовой информации – вначале печатных, а затем и электронных – придало колоссальный толчок технологизации влияния на общественное сознание. Этот толчок, по сути, предопределил и актуализацию мягкой силы, в основе которой – именно коммуникационная составляющая. Метафоричное отождествление СМИ с «четвёртой властью» – своего рода, связующее звено между двумя дискурсами – формальным юридическим, рассматривающим власть через институты, её осуществляющие, и коммуникационно-сетевым, позволяющим наблюдать отношения власти через инструменты мягкой силы. Четвёртая власть приоткрыла ящик Пандоры, из которого вышли не поддающиеся арифметическому расчёту механизмы влияния, далеко не всегда нуждающиеся в формальных институтах законодательной, исполнительной или судебной природы.

Если СМИ выступают проводниками мягкой силы, своего рода «средствами доставки», то разработкой самой технологии, выработкой инструментов влияния занимаются отдельные смысловые институты – как правило, также обособленные от государственного аппарата. Подобно тому, как инструменты силы жёсткой (вооружение и военная техника) являются продуктом деятельности предприятий инженерной направленности, механизмы мягкой силы могут создаваться в различных исследовательских центрах гуманитарного профиля. Иногда их даже называют фабриками – «фабриками мысли», но чаще – мозговыми центрами, исследовательскими институтами, аналитическими центрами, или прямо без перевода – think tanks.

Аналитические центры также являются участниками рыночных отношений – они

конкурируют между собой за внимание и, как следствие, заказы со стороны государства. Государство обращается к ним как к экспертам в широком смысле, которые могут обеспечить увязку интересов государства с запросами гражданского общества, потребностями граждан как пользователей политического продукта.

Сама политика как комплекс взаимосвязанных целей, задач и мероприятий превращается в продукт, который государству всё сложнее производить как в силу уже неоднократно перечисленных причин, порождённых различными процессами глобализации, так и из-за продолжающегося дробления предметных областей, представляющих интерес для общества. Новые предметные области требуют специфических компетенций, поддерживать необходимый уровень которых государство самостоятельно просто не в состоянии из-за более короткого горизонта электорального планирования. Решать проблему нехватки необходимых компетенций позволяют как раз разветвлённые сети аналитических центров: политика, по сути, выносятся государством на аутсорсинг, и выполняется на конкурсной основе теми аналитическими центрами, которые за меньший объём ресурсов государства сумеют произвести продукт с требуемыми характеристиками. Официальным властям остаётся этот продукт лишь легализовать (формально принять).

Таким образом, государство сосредотачивается на политике в значении английского слова politics (обеспечение легитимности через электоральный процесс и публичную поддержку востребованных обществом политических принципов), а политику в значении policy (набор необходимых решений, действий, проекты документов, целеполагание и др.) государство приобретает у аналитических центров – так же, как оно закупает любые другие работы и услуги у компетентных организаций.

Аналитические центры являются базовым элементом глобального экспертного знания, обеспечивая его рекрутирование, аккумулирование и, что становится всё более немаловажным, рыночную «упаковку», т.е. привлекательность и востребованность.

По большому счёту, именно универсальное экспертное знание представляет на сегодняшний день «концентрат» мягкой силы современного государства. Будучи, с одной стороны, интеллектуальным срезом гражданского общества, а с другой – наиболее интегрированной в мировую повестку частью человеческого капитала конкретной страны, экспертное сообщество способно на самых дальних подступах обнаруживать то, что будет представлять интерес, и рекомендовать государству (или любому другому центру власти), как через стремление других к этому интересу решать собственные задачи. Таким образом, экспертное сообщество является потенциальным носителем искомой способности создавать у других стремление к результатам, которые нужны субъекту мягкой силы. Проблема самого субъекта – умение структурировать экспертное сообщество и ориентироваться в его знании. Не каждое государство пока на это способно, но навыки умной силы будут связаны именно с возможностями управления знаниями подобного рода.

Устанавливая систему отношений с институтами гражданского общества, государство находит пути собственной «мимикрии» под конкурирующие силы – негосударственных игроков, бросающих сегодня вызов не просто сложившемуся миропорядку, но и всей модели социального воспроизводства. Возглавив на определённом этапе процессы диалектического развития в социуме, государство незаметно подошло к необходимости стать объектом соответствующих законов и подвергаться вызовам своих противоположностей.

Власть как важнейшее свойство и качество государства находится на острие актуального противостояния. Если марксизм, позитивизм и бихевиоризм научили общество инструментам разрешения сомнений относительно тех или иных сущностей, то постмодернизм лишил всяких сомнений относительно самого факта сомнения, под которое сегодня может быть поставлена абсолютно любая сущность. Динамика плотности власти, актуализировавшая развитие мягкой

силы, имеет тенденцию к продолжению. Современные механизмы влияния, выносимые государством за пределы центров силы, формируют основы для ещё большей «гибридизации» власти, которая будет и впредь расширяться по сетевому принципу и снижать свою зависимость от традиционных иерархических структур. Лишь те государства, которые продемонстрируют наибольшую внутреннюю гибкость при неизменном укреплении эффективности своих проявлений (реальных действий), сумеют определять контуры дальнейшего развития мира.

Литература:

Воскресенский А.Д. (ред.) Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы. – М.: Аспект-Пресс, 2015.

Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М.С.Горбачёв. – М.: Издательство политической литературы, 1988 – 272 с.

Грамши А. Тюремные тетради в трёх частях / А.Грамши. – М.: Политиздат, 1991 – С. 94.

Дао Дэ цзин // «Древнекитайская философия». – М., «Мысль», 1972 – с.114-138.

Понятие политического в теории гегемонии. Антонио Грамши // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. – М.: Идея-Пресс, 2009. – С. 11.

Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСЭ-ПИ. – 2015. – № 2. – С. 70.

Index Results. Mode of access: <http://softpower30.portland-communications.com/ranking/#collapsenine27>

Nye, Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / J.S.Nye. New York: Basic Books. 1990. 336 p.

Perkins, James. Confessions of an Economic Hit Man. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2005.

Perkins, James. The Secret History of the American Empire: Economic Hit Men, Jackals, and the Truth about Global Corruption. New York: Penguin, 2007.

The Soft Power 30. A global Rating of Soft Power. 2016. Mode of access: http://softpower30.portland-communications.com/wp-content/themes/softpower/pdfs/the_soft_power_30.pdf

References:

Dao De tszin // «Drevnekitaiskaia filosofia» (Dào Dé Jīng / In “Philosophy of Ancient China). Moscow: “Mysl”, 1972. Pp. 114-138.

Gorbachev, M.S. Perestroika i novoe myshlenie dlia nashei strany i dlia vsego mira (Perestroika and the New Thinking for Our Country and the World) / M.S.Gorbachev. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1988. 272 p.

Gramshi, A. Tiuremnye tetradi v trekh chastiakh (the Prison Notebooks). Moscow: Politizdat, 1991, p. 94.

Index Results. Mode of access: <http://softpower30.portland-communications.com/ranking/#collapsenine27>

Nye, Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / J.S.Nye. New York: Basic Books. 1990. 336 p.

Perkins, James. Confessions of an Economic Hit Man. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2005.

Perkins, James. The Secret History of the American Empire: Economic Hit Men, Jackals, and the Truth about Global Corruption. New York: Penguin, 2007.

Poniatie politicheskogo v teorii gegemonii. Antonio Gramshi (The Notion of the Political in Hegemony Theory) // Politicheskoe kak problema. Ocherki politicheskoi filosofii XX veka. Moscow: Ideia-Press, 2009. P. 11.

Tetradi po konservatizmu. Al'manakh Fonda ISEPI, 2015, No. 2, p.70.

The Soft Power 30. A global Rating of Soft Power. 2016. Mode of access: http://softpower30.portland-communications.com/wp-content/themes/softpower/pdfs/the_soft_power_30.pdf

Voskressenski, Alexei D. (Ed.) Vostok i politika. Politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (The East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Process). Moscow: Aspect Press, 2015

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-151-160](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-151-160)

THE SOFTER ONE, THE STRONGER IT: HYBRIDIZATION OF POWER

Alexander E. Konkov

*Moscow State University, Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 09 September 2016 <i>Accepted:</i> 29 September 2016	Abstract: The article is devoted to considering soft power as a new form of power within the modern political system. The emerging importance of the corresponding mechanisms which regulate social development would lead, on the one hand, to the growing competition between countries for an opportunity to promote their own agendas, and on the other hand, it would undermine state monopoly on internal communication and produce new risks for sovereignty. Non-state actors who are more flexible and responsive to diversified demands of civil society pretend to be capable to build an alternative for the contemporary state and world order. One of consequences is likeliness of a state to “mimicry” into civil society institutions to react early to emerging threats.
About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Analysis, Moscow State University; Advisor to the Executive Director, Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund. e-mail: KonkovAE@spa.msu.ru	
Key words: soft power; power; state; government; sovereignty; international relations; non-state actors; civil society; politics; policy; political communication.	

Для цитирования: Коньков А.Е. Чем мягче, тем сильнее: гибридизация власти // *Сравнительная политика*. – 2016. – №4. – С. 151-160.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-151-160

For citation: Konkov, Alexander E. Chem miagche, tem sil'nee: gibridizatsiia vlasti (The Softer One, the Stronger It: Hybridization of Power) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.4, pp. 151-160.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-151-160